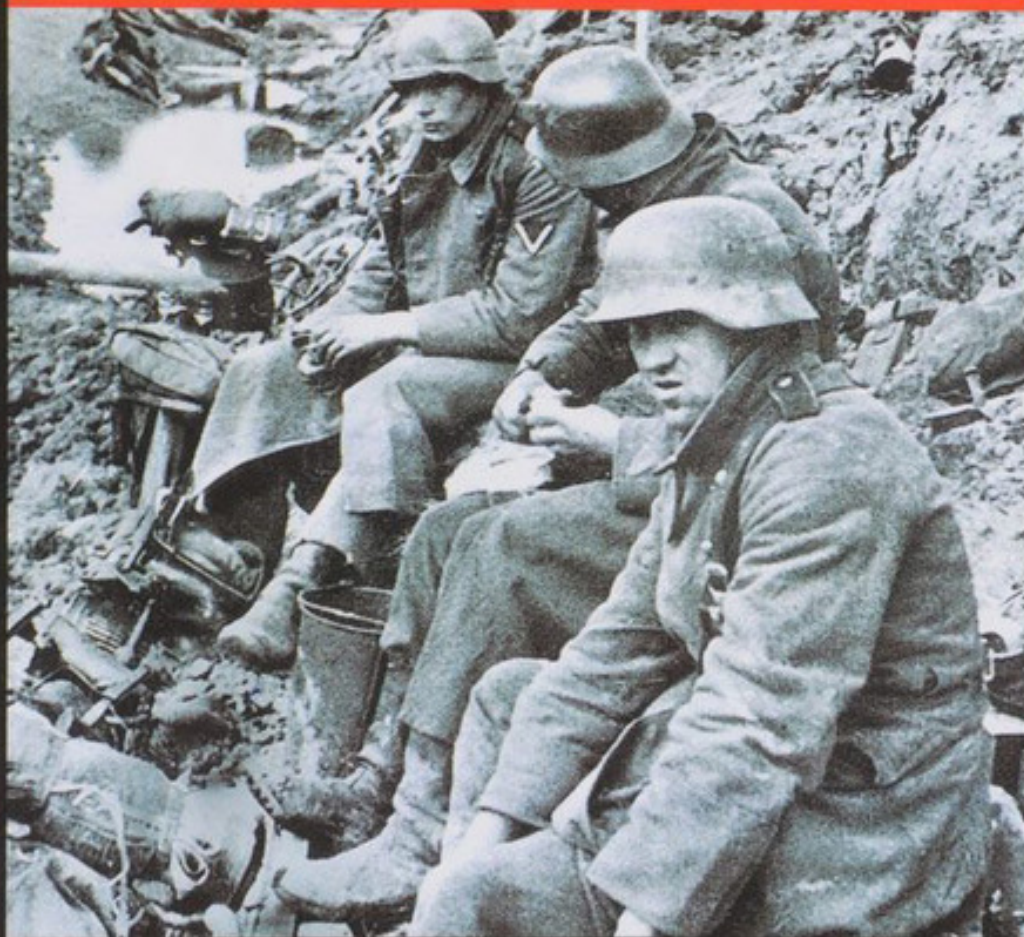

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Вильгельм Люббеке

У ВОРОТ ЛЕНИНГРАДА

**ИСТОРИЯ СОЛДАТА
ГРУППЫ АРМИЙ «СЕВЕР»**

1941—1945

За линией фронта. Мемуары

Вильгельм Люббеке

**У ворот Ленинграда.
История солдата группы
армий «Север». 1941—1945**

«Центрполиграф»

2006

УДК 94(4)"1939/45"
ББК 63.3(2)62

Люббеке В.

У ворот Ленинграда. История солдата группы армий «Север». 1941—1945 / В. Люббеке — «Центрполиграф», 2006 — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-227-07743-1

Солдат вермахта Вильгельм Люббеке начал военную службу в 1939 г. рядовым и окончил ее командиром роты в чине обер-лейтенанта в 1945 г. Он воевал в Польше, во Франции, в Бельгии, в России, где участвовал в боях на реке Волхов, в коридоре Демянского котла, у Новгорода и Ладожского озера. А в 1944 г. вместе со своей ротой с изматывающими боями отступал через Прибалтику в направлении Восточной Пруссии. Автор подробно рассказывает о тяжелых фронтовых буднях и подробностях солдатского быта, размышляет о том, чего ждала Германия и что получила в результате этой войны. Воспоминания Люббеке – это взгляд на опыт немецких солдат на фронтах Второй мировой войны выжившего свидетеля событий. Книга снабжена картами и фотоматериалами.

УДК 94(4)"1939/45"
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-227-07743-1

© Люббеке В., 2006
© Центрполиграф, 2006

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Пролог. Апрель-май 1945 г.	10
Глава 1. Деревенское воспитание	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вильгельм Люббеке
У ворот Ленинграда. История солдата
группы армий «Север». 1941–1945

William Lubbeck

At Leningrad's Gates. The Story of A Soldier With Army Sroup North

Copyright 2006 © William Lubbeck and David Hurt

© Перевод, издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие

Историю своей жизни я писал не для того, чтобы произвести впечатление на читателя или выставить себя героем. Подобно миллионам других, сражавшихся на фронтах Второй мировой войны, я был простым солдатом, который выполнял приказы и свои обязанности. Героями стали те, кто вдали от дома пал в ожесточенных сражениях.

Видимо, относительно меня у Бога были другие планы, и он сохранил мне жизнь. Мои свидетельства о прошлом – дань памяти тем солдатам, что исполнили свой долг и пожертвовали собой, так и не вернувшись с войны.

Эта книга посвящается также Аннелизе, сестре милосердия, которая выхаживала раненых в немецких полевых госпиталях в течение двух последних лет войны. Никакие слова не могут выразить моей бесконечной благодарности за ту надежду, что дала мне ее любовь на протяжении долгих военных лет, и за счастливые годы нашей совместной послевоенной жизни.

Во время поездки в Германию летом 2003 г. моей дочери удалось отыскать нашу с Аннелизой переписку военных лет. Чтение этих писем пробудило во мне одновременно горькие и отрадные чувства и помогло провести черту под моим прошлым. Мне стало легче, когда я поделился своим военным опытом с семьей и широкой аудиторией читателей.

Я надеюсь, что мой рассказ поможет многим людям лучше понять, что представляла собой Вторая мировая война, и, в особенности, прочувствовать жестокий характер сражений на Восточном фронте. Американцы часто не понимают мотивацию немецких солдат, участников Второй мировой войны. Большинство рядовых солдат не были сторонниками Гитлера и не поддерживали нацистский режим. Они были просто патриотами Германии, стремившимися служить своей стране.

Я в большом долгу перед народом Соединенных Штатов Америки, которые приняли меня и мою семью как своих сограждан и позволили нам осуществить свою американскую мечту. Я надеюсь, что моя история поможет гражданам страны, принявшей меня, по достоинству оценить разнообразный опыт американских иммигрантов.

Вильгельм Люббеке

Введение

Прочитанный мной в первоисточнике рассказ солдата армии Наполеона о походе в Россию в 1812 г. позволил взглянуть на ту давнюю войну глазами человека, жившего в то время, чего не может дать общая история. Заканчивая чтение мемуаров Иакова Вальтера «Дневник наполеоновского солдата-пехотинца», я пришел к выводу, что ветеран последней войны в России Вильгельм Люббеке¹ должен рассказать о собственном выдающемся опыте немецкого солдата Второй мировой войны.

В то время как мы с выгодной позиции нашего сегодняшнего дня часто рассматриваем историческое прошлое как ряд неизбежно следующих друг за другом событий, Люббеке был непосредственным свидетелем разворачивавшейся перед ним исторической драмы. Он не знал, как сложится его судьба и чем закончится война. Было трудно убедить его, скромного человека, поделиться своим уникальным опытом, но он все-таки решил рассказать свою историю выжившего на войне немецкого солдата и тем самым отдать дань памяти своим павшим боевым товарищам. Кроме того, мемуары дали возможность современной аудитории исчерпывающе и по-новому взглянуть на уходящую все дальше в прошлое войну.

В работе над книгой был использован материал многочасовых интервью, для обработки которых было потрачено не меньше времени, чем для их записи. В мемуарах отсутствует хронологическая последовательность событий, поэтому, по мере того как разворачивалось повествование, было необходимо дополнять его отдельными важными деталями, избегая недоговоренностей. В процессе написания книги неоценимым подспорьем оказалась недавно обнаруженная переписка военных лет Люббеке с его будущей женой Аннелизой, которая позволила ему вспомнить некоторые яркие события его военной жизни на различных этапах войны. Написанная Куртом фон Зидовицем «История 58-й пехотной дивизии, 1939–1945 годы» (Podzun, 1952) также оказалась очень ценным источником; книга помогла Люббеке восстановить последовательность событий.

Несмотря на то что Люббеке со временем приобрел на войну более широкий взгляд, в сравнении со своим прошлым опытом, мы пошли на сознательное ограничение тематики мемуаров, оставив только его личные впечатления, избегая всяких «а что, если». Его поступки, наблюдения и чувства стали главным фокусом книги.

Поскольку после своего переезда в Америку в рассказах о военном времени он никогда не углублялся в подробности, с каждым его интервью на меня обрушивался поразительно большой объем новой для меня информации. Настоящее уходило, когда он вспоминал себя в прежней жизни гражданина и солдата Германии, и на фотографиях эрудированного американского инженера на пенсии проступали узнаваемые черты отважного немецкого юноши.

Восприятие немецким народом событий до и во время Второй мировой войны резко контрастировало с таковым у американского народа. Мы разрешили себе посмотреть на события с иной точки зрения, нисколько не подвергая при этом сомнению моральную правоту того дела, за которое сражались Соединенные Штаты и союзные державы Запада. Мемуары помогают нам лучше понять, почему цивилизованные, культурные немцы были готовы сражаться и умирать при нацистском режиме.

Рассказ Люббеке об этих годах объясняет, как первоначальные успехи нацистов в деле возрождения могущества и престижа Германии помогли им обеспечить себе более широкую поддержку общества. Однако он также утверждает, что тем не менее многие немцы не доверяли нацистам и видели отрицательные стороны диктатуры Гитлера. Это противоречие застав-

¹ Переехав на жительство в США, Вильгельм Люббеке изменил свое имя на Уильям Лаббек.

ляет задать критический вопрос, почему многие немцы были готовы воевать, несмотря на свои глубокие и множившиеся сомнения в действиях своего правительства.

Нацистская пропаганда играла важную роль в формировании немецкого общественного мнения, манипулируя им и поддерживая популистские представления об окружающем мире. В конце концов, большинство немцев приняло необходимость войны, чтобы ликвидировать несправедливые по отношению к немецкой нации положения Версальского мирного договора и противостоять угрозе европейской цивилизации со стороны сталинского коммунизма.

Когда Люббеке оправдывает восстановление экономической и военной мощи Германии и верит в справедливость дела своей страны, он одновременно выступает против репрессивного характера нацистского режима и радикального экстремизма. Несмотря на то что он не доверял Гитлеру и не верил в нацистскую идеологию, он честно отслужил все шесть военных лет. Как и у многих немецких солдат, его борьба вдохновлялась патриотической любовью к своей стране, глубоким чувством долга и желанием выжить на войне вместе со своими товарищами.

Родившийся в 1920 г. Вильгельм Люббеке вырос на ферме своих родителей в деревне Пюгген. В 1930-х он наблюдал со смешанными чувствами за подъемом нацистов и укреплением их власти в Германии. Как и для большей части немцев, главной целью его жизни было добиться успеха, просто жить, не задумываясь о политике.

Переехав в начале 1938 г. из Пюггена в Люнебург, он стал учеником электрика, что было необходимо для включения его в программу подготовки инженеров-электротехников. Год спустя он познакомился с Аннелизой Берндт; завязавшиеся между ними отношения дали ему надежду пережить наступившие тяжелые времена.

Призванный в армию в 1939 г., когда началась война, Люббеке попал в роту тяжелого вооружения 58-й пехотной дивизии. Приняв участие в быстро завершившейся войне Германии с Францией, он продолжил службу в оккупационных войсках в Бельгии. Весной 1941 г. его дивизия вошла в состав группы армий «Север», готовившейся к вторжению в Россию согласно плану «Барбаросса».

Летом в первые дни войны он был назначен передовым наблюдателем. Его дивизия вскоре после боев в пригородах Ленинграда была отведена в окрестности города. Вместе с другими немецкими соединениями она принимала участие в осаде города по приказу Гитлера в самом начале жестокой зимы.

Боевая мощь и опыт советских войск в течение двух последующих лет постоянно росли. Ожесточенные бои шли на реке Волхов, в коридоре Демянского котла, у Новгорода и Ладожского озера – в этих местах пришлось воевать Люббеке.

В конце 1943 г. вскоре после награждения Железным крестом 1-го класса Люббеке был направлен в военное училище в Германию. После возвращения на фронт в конце весны 1944 г. он принял командование над своей бывшей ротой, которая почти год, ведя изматывающие бои, отходила через Прибалтику в направлении Восточной Пруссии.

После освобождения из лагеря для военнопленных Люббеке пришлось бороться за выживание в пораженной экономическим кризисом послевоенной Германии. Ведя полуголодное существование, он и его жена были вынуждены пойти на риск и попытаться проникнуть за железный занавес – добраться до фермы его родителей в советской зоне оккупации. Супруги после шести тяжелых послевоенных лет все же приняли решение покинуть Германию.

Отправившись в эмиграцию, почти ничего не имея, Люббеке и его семья в течение многих лет обустроивались на новом месте, сначала в Канаде, потом в США. Его история преодоления неблагоприятных жизненных обстоятельств и интеграции в новое общество в качестве американского иммигранта замечательна уже сама по себе. Это дало ему уникальную возможность рассказать о своем опыте немецкого солдата.

Были предприняты всевозможные усилия, чтобы как можно более правдиво отразить в мемуарах произошедшие события в надежде, что они пополнят наше знание истории. Кроме

нового важного взгляда на опыт немецких солдат на фронтах Второй мировой войны, рассказ Вильгельма Люббеке показывает нам, как характер человека, глубокое чувство дисциплины и любовь к женщине и своей семье отразились на его жизненном пути, позволили ему выжить и добиться успеха в тяжелых обстоятельствах во время и после войны.

Мне выпала привилегия рассказать широкому кругу читателей его проникновенную историю.

Дэвид Хёрт, июль 2006 г.

Пролог. Апрель-май 1945 г.

Последние приказы. 16–18 апреля 1945 г.

Это был конец.

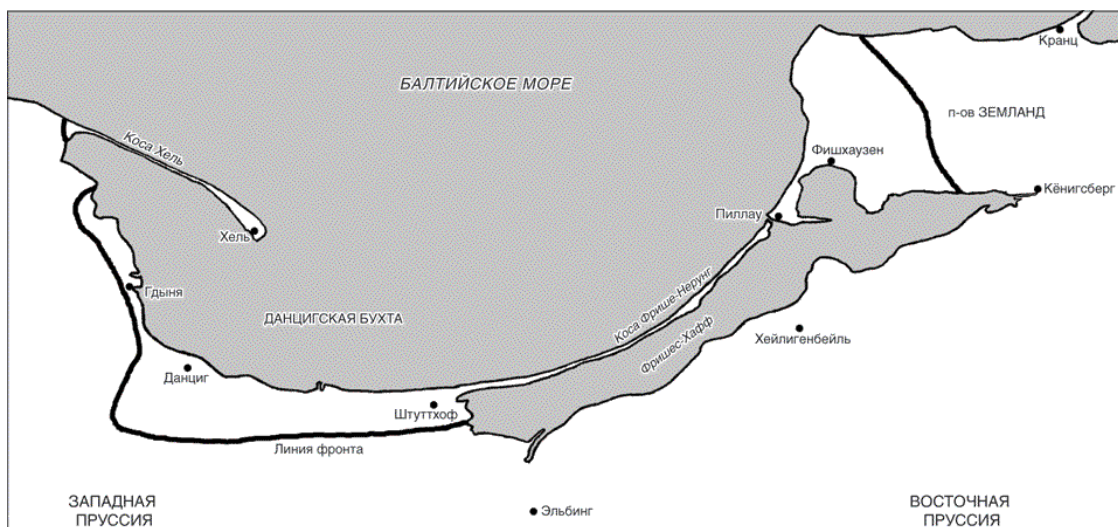
Это был конец моей роты.

Это был конец 58-й пехотной дивизии.

Это был, возможно, конец Германии и мой.

За четыре года начиная с вторжения в Россию 16 апреля 1945 г. стало для меня самым тяжелым днем войны. Потребовалось всего несколько часов, чтобы моя рота тяжелого вооружения просто перестала существовать.

Разгром произошел в Фишхаузене², где проходила основная дорога. Это не было сражением. Скорее это было катастрофическим апогеем не ослабевавшего ни на час вражеского обстрела, преследовавшего нас во все время нашего отхода на запад в течение предыдущих недель. В итоге мы попали в ловушку, сбившись в скученную толпу вместе с другими немецкими частями, старавшимися проехать по единственной дороге, пролежавшей через этот восточнопруссский город. Продвигаться дальше вперед не было никакой возможности.

Восточная и Западная Пруссия. Начало апреля 1945 г.

Соединения четырех советских армий при поддержке сотен самолетов открыли сосредоточенный артиллерийский огонь по городу, что привело к опустошительным результатам. Те, кто не успел отойти на соседние улицы, были уничтожены падавшими беспрестанно русскими бомбами и снарядами. На западной окраине Фишхаузена меня обстрелял на бреющем полете советский штурмовик. В мое лицо впились небольшие отдельные осколки, я почти ничего не видел, кровь заливала мои глаза; однако мне повезло, и я счастливо уцелел в этой бойне.

Было ясно, что из той сотни солдат моей роты, что вошли в Фишхаузен, большая часть погибла. Я мучительно переживал смерть своих бойцов, хотя их трагическая кончина была на войне обычным делом.

² Ныне Приморск в Калининградской области России. (Здесь и далее примеч. ред.)

Ужаснее всего для меня было видеть повсеместное падение воинской дисциплины; началось это задолго до Фишхаузена. Вплоть до последнего времени, несмотря на ухудшавшееся военное положение, в армии успешно поддерживалась дисциплина в частях и связь между ними. Теперь же все пришло в страшный беспорядок.

При нашем катастрофическом положении невозможно было представить, что всего лишь три с половиной года назад, когда мы стояли у ворот Ленинграда, те же самые русские находились на грани разгрома. Однако в последующие годы становилось все заметнее, как война постепенно меняла свое течение. Советская армия восстановилась, объединилась с западными союзниками и вынудила Германию перейти к стратегической обороне.

Когда я вернулся уже в чине офицера на Восточный фронт в мае 1944 г., наши войска оставили большинство завоеванных прежде советских территорий. Группа армий «Север», одно из трех больших немецких соединений на Восточном фронте, отошла из-под Ленинграда в Эстонию. Несколько недель спустя группа армий «Центр», расположенная южнее нас, была разгромлена в результате мощного советского наступления. В последующие месяцы наше отступление продолжилось, и мы уже оказались на землях немецкого рейха.

С середины января 1945 г. шли постоянные бои с неудержимо продвигавшимися в пределы Восточной Пруссии советскими частями. Я продолжал командовать ротой, ряды моих солдат редели на глазах. Перед лицом подавляющего превосходства Красной армии в личном составе и вооружениях становилось ясно, что наше положение будет ухудшаться с каждым днем. Тем не менее мы продолжали сражаться. Какой был у нас выбор? Имея перед собой на фронте армию противника, а в тылу Балтийское море, надежда пробиться в Центральную Германию была ничтожна. Оказавшись в безвыходном положении, нам оставалось только бороться за собственные жизни.

В конце марта меня произвели из обер-лейтенанта в капитаны; как мог, я старался поддерживать дисциплину и моральный дух своих бойцов. Ни для кого из нас не было секретом, что нас ожидает в будущем. В этих обстоятельствах погибнуть от русской пули в бою казалось гораздо лучшим выходом, чем оказаться в лагерях для военнопленных в Советском Союзе.

Будучи офицером, я особенно боялся попасть в плен. Если меня не убьют в бою, мне придется сделать выбор между пленом и самоубийством. Я решил оставить последний патрон для себя, хотя и не был уверен, найду ли я в себе мужество им воспользоваться. Всего за два месяца до своего двадцатипятилетия я не хотел умирать. До сих пор смерть проходила стороной, и передо мной не вставала ужасная дилемма.

Теперь, когда от Фишхаузена остались дымящиеся развалины и Красная армия находилась от нас всего в 3 километрах, мы отходили на запад вместе с уцелевшими немецкими частями по основной дороге к сосновому лесу.

Находясь на пределе своих физических возможностей и в состоянии психологического стресса, я чувствовал неимоверную усталость и передвигался автоматически. Даже не я, а мое тело. Я не мог ни о чем думать, но ощущал серьезнейшую ответственность за своих бойцов. Моей целью было найти уцелевших в боине и укрыться в каком-нибудь оставленном доме или в лесу в одном из пустых бункеров, предназначенных для хранения оружия.

Кровь заливала глаза и мешала мне отчетливо видеть. Спотыкаясь, я шел вдоль дороги, едва отдавая себе отчет, где я и куда иду. Через каждые пару десятков метров свист приближавшегося снаряда заставлял меня бросаться на землю. Снова поднявшись на ноги, ковыляя, я шел вперед, стараясь разглядеть следующее место для укрытия.

На расстоянии не более полутора километров от Фишхаузена на северной стороне дороги появилась группа солдат из десяти человек моей роты. Они собрались толпой у входа в маскированный подземный бункер, размером около 20 на 30 метров. Среди них был старшина роты Юхтер, начальник обоза; двое фельдфебелей; два обер-ефрейтора и несколько рядовых.

«Где остальные?» – спросил я. Мой голос звучал глухо. Один из солдат тихо ответил: «Мы попали под артиллерийский обстрел и бомбежку. Мы потеряли наших лошадей. Мы потеряли наше снаряжение. Мы потеряли все. Все пропало. Мы единственные, кто остался». Кто-то смог пережить атаку русских, кто-то потерялся в возникшей неразберихе или бежал на запад.

Мы замолчали. Трагичные события последних часов и недель исчерпали все наши силы. Думая о неминуемой близкой развязке, все в бункере мрачно молчали. Бойцы хотели всего лишь знать, какова сложившаяся обстановка и что делать дальше. Они смотрели на меня, ожидая ответа, но я знал не больше их. В первый раз за всю войну я был предоставлен самому себе, и, в отсутствие приказа, понятия не имел о планах наших дальнейших действий.

Понимая настоятельную необходимость хоть как-то прояснить ситуацию, я обещал своим бойцам, что разыщу командира нашего 154-го пехотного полка подполковника Эбелинга, как только позволит мое зрение. Один из бойцов занялся мной: промыл мои глаза и удалил из ран на лице осколки; через час я уже мог достаточно хорошо видеть и начать поиски командира.

Приказав личному составу ждать в бункере, я вошел в лес по узкой тропе и направился на запад. Снаряды продолжали периодически падать, но они не мешали мне вести разведку местности. 15 минут спустя я натолкнулся на небольшой замаскированный бункер в 8 метрах к югу от основной дороги. Собираясь войти, я не ожидал кого-либо там увидеть.

К моему глубокому удивлению, внутри находились, судя по красным лампасам их форменных брюк, с полдюжины немецких генералов. Потеряв на краткий миг дар речи, я по привычке принял положение «смирно» и отдал честь. Сгрудившись вокруг стола и склонившись над картами, они не обратили никакого внимания на мое внезапное появление и также отдали честь.

В это самое время, когда я собирался обратиться к ним для получения нового приказа, внезапно возникший над бункером гул авиамоторов вывел меня из неловкого положения. Генералы залезли под стол, а я, пригнувшись, выбежал из убежища. Подлетавшие с юга бомбардировщики Б-25 «Митчелл» американского производства³ с советскими красными звездами на фюзеляжах начали снижаться над нашим районом. На высоте 1000 метров небольшие черные точки стали отрываться от самолетов, сливаясь в тонкие струи, в непрерывном падении устремлявшиеся к земле. Оставались секунды на то, чтобы найти укрытие, прежде чем бомбы начнут утюжить то место, где я только что стоял. Я прыгнул в траншею около 2 метров глубиной. Если вы намерены спрятаться в бункере, перекрытия которого от точного воздушного удара сразу обрушатся, то вы обречены. Если вы укрылись хотя бы в неглубоком окопе, осколок или бомба могут упасть непосредственно на вашу позицию и убить вас или серьезно ранить. Вы можете также получить контузию от рядом упавшей бомбы, но все равно больше шансов уцелеть.

Согнувшись в траншее, я держал голову ближе к поверхности, чтобы не быть заживо погребенным под осыпавшейся землей. Прикрыв ладонями уши, я открыл рот. Если взрыв случится поблизости, это спасет мои барабанные перепонки. В бою солдат освоит многие приемы выживания, если он проживет достаточно долго, чтобы выучить преподанные уроки.

В тот самый момент, когда я укрылся в траншее, вокруг меня начали рваться одна за другой русские бомбы; это было похоже на салют из огромных петард. Оглушительные взрывы сотрясали землю, вызвав воздушную волну небывалой силы. В этот миг я подумал о том, не изменило ли мне окончательно мое везение и что теперь мне приходит конец. Удивительно, но я не испытывал чувства страха. Обстрелы и бомбардировки стали привычной частью моей жизни за все последние годы войны, и я привык к ним.

Бомбы продолжали падать, и мне не оставалось ничего иного, как только ждать, когда все это кончится. В голове воцарился абсолютный вакуум, мной овладел животный инстинкт

³ Скорость до 450 км/ч, бомбовая нагрузка до 3000 кг, мощное оборонительное вооружение – от 7 до 12 крупнокалиберных пулеметов.

просто выжить. Несмотря на то что я держал рот открытым, мои барабанные перепонки чуть не лопнули от взрыва метрах в двух от меня.

Когда налет наконец-то прекратился, я понял, что мне еще раз повезло выжить. В ушах звенело, и голова кружилась. Неуверенно ступая, я выбрался из траншеи. Несмотря на легкое ранение, я ослабел физически из-за недостатка сна и скудного питания на протяжении последних недель непрерывных боев. Хотя соображал я с трудом, но пытался мыслить трезво. Долг офицера призывал меня заботиться о своих бойцах и быть им командиром.

Несмотря на то что бункер уцелел, я решил, что у генералов были более важные задачи, чем отдавать приказы какому-то командиру роты. Продолжив поиски своего командира полка, я направился обратно в северном направлении и вновь пересек основную дорогу.

Приблизительно десять минут спустя, пройдя около полукилометра, я неожиданно вышел на подполковника Эбелинга, пытавшегося организовать новую линию обороны. Я вздохнул с облегчением; теперь обстановка прояснилась, и я ждал нового приказа.

Эбелинг кратко проинформировал меня о том, что Верховное командование намерено всех оставшихся в живых офицеров нашей 58-й пехотной дивизии направить в Гамбург, чтобы там, в Германии, сформировать из нас будущую новую дивизию. В то же время рядовые бойцы нашей дивизии вливались в 32-ю, еще не воевавшую, пехотную дивизию, которая, действуя в арьергарде, должна была сдерживать наступление Красной армии.

Объяснив мне мою задачу, Эбелинг вписал приказ за своей подписью в мою солдатскую книжку. Поскольку офицеры нашей дивизии должны были добираться до места назначения самостоятельно, эти письменные приказы должны были помочь нам, в случае проверки документов, избежать ареста отрядами СС как дезертиров. Простой росчерк пера спасал меня от смерти или русского плена.

Я был благодарен за неожиданно представившуюся мне возможность спастись от нарастающего хаоса, но тем не менее было предельно ясно, что опасная поездка может и не состояться. Красная армия уже перерезала путь отступления по суше в Германию к западу от узкой длинной песчаной косы Фрише-Нерунг⁴, простиравшейся вдоль побережья Балтийского моря. В то же время суда, пытавшиеся прорваться в Германию по морю, могли быть в любой момент атакованы русскими.

Вернувшись к своим солдатам, ожидавшим меня в бункере, я отвел в сторону старшину Юхтера и объяснил ему, что мне дан приказ вернуться в Германию, взяв в попутчики одного из солдат моей роты. Он был первым моим помощником в управлении ротой, и было естественным, что мой выбор остановится на нем. Юхтер был тем человеком, что мог помочь мне в формировании нового подразделения. Но я полагал, что выбор должен был сделать он сам, а не по моему приказу. «Вы отправитесь со мной?» – задал я ему вопрос. «Так точно», – выразил он свое согласие.

Хотя перспектива добраться до Германии и была весьма сомнительна, но мне и Юхтеру, по крайней мере, был дан шанс. Понимая, что новый приказ только обострит чувство безнадежности у остальных бойцов, я не стал говорить им о нем. Только сообщил, что они продолжат службу в 32-й дивизии.

Мне было крайне тяжело расставаться с последними уцелевшими в боях солдатами моей роты. В оставшиеся нам два дня я постарался обеспечить успешный перевод своих бойцов в другую дивизию. Тем временем, используя свои связи в тылу, Юхтер попытался получить для бойцов заслуженные ими ордена.

Два дня спустя после нашего разгрома у Фишхаузена я представил своих солдат к награде Железным крестом 1-го и несколькими Железными крестами 2-го класса. К сожалению, в обстановке невиданного хаоса мне не удалось проследить, как прошло их переподчинение и

⁴ Ныне Балтийская коса на российской стороне и коса Межея-Висляна на польской стороне.

переход в 32-ю дивизию. В итоге им пришлось заниматься этим самим, подобно заблудившимся в бурю овцам.

Если им не было суждено погибнуть в последние дни войны, они непременно попали в советский плен. Если они были достаточно здоровы и удачливы, то, возможно, после трех-четырёх лет плена в России они вернулись на родину в Германию. Даже сейчас, 60 лет спустя, сама мысль об их страданиях и неизвестности их судьбы продолжает мучить меня.

Отчаянная поездка. 18 апреля – 8 мая 1945 г.

Под спорадическим огнем советской артиллерии Юхтер и я оставили бункер во второй половине дня 18 апреля и отправились по главной дороге в направлении города Пиллау⁵, находившегося на расстоянии 10 километров от нашего местоположения. Если бы нам удалось попасть в гавань, то появилась бы надежда добраться до северного окончания косы Фрише-Нерунг, переправившись через узкий залив, отделявший ее от Пиллау.

Спустя три часа, когда в наступающих сумерках мы подошли к городу, то увидели ужасную картину. Ветви высоких деревьев, стоявших вдоль дороги, прогнулись под тяжестью десяти или больше повешенных немецких солдат. Юхтер и я замерли в молчании. Мы поняли, что это была грязная работа эсэсовцев. Были ли казненные дезертирами или просто солдатами, отставшими от своих частей и запаниковавшими под обстрелом, – для СС это не имело никакого значения.

Большинство немецких военнослужащих, с кем мне вместе довелось воевать, понимали, что формирования СС составляют часть вермахта, но относились к ним с презрением, считая их политической полицией нацистов. Когда нацистский режим уже близился к своему падению, было неудивительно, что эсэсовцы готовы были вздернуть любого из тех, кого считали предателем, в назидание другим. Будучи свидетелем их жестокой «справедливости», я ненавидел их.

Когда мы проходили через Пиллау, обстрел стал более интенсивным, русские сосредоточили огонь на первом секторе их основной цели. Когда наступало краткое затишье, Юхтер и я оставляли наше укрытие и бежали к следующему разрушенному зданию, чутко реагируя на огонь противника, чтобы во время периодически возобновлявшегося обстрела не оказаться случайно на открытом месте.

Через несколько часов мы вышли к заливу на западной окраине города. В доке уже скопилось несколько сот солдат и беженцев, число которых постоянно росло. Несмотря на хаос, пара паромов продолжала перевозить пассажиров и машины из Пиллау на косу, лежащую на расстоянии около 200 метров от дока. Нам не оставалось ничего другого, как только ждать своей очереди под то вспыхивавшим, то затухавшим артиллерийским огнем.

Прошло полчаса, и в кромешной темноте мы с Юхтером протиснулись на паром, на котором было около сотни солдат и беженцев, а также несколько грузовиков с различным военным снаряжением. Как только через 10 минут мы причалили на противоположной стороне залива, то забрались вместе с целым взводом солдат в кузов грузовика, переправленного с нами на пароме.

Снаряды продолжали время от времени падать вокруг; наш грузовик присоединился к импровизированному конвою, продвигавшемуся медленно на запад в полной темноте, не зажигая передних фар, чтобы не привлекать к себе внимания русских самолетов, которые могли появиться в любую минуту.

Поездка продолжалась уже несколько часов, когда мы миновали несколько пылавших зданий. Это показалось мне очень странным, так как это место не обстреливала артиллерия, не

⁵ Ныне Балтийск.

бомбила авиация. Повернувшись к сидевшему рядом со мной в грузовике солдату, я поинтересовался, что здесь могло произойти. «Ну, возможно, они сжигают концлагерь», – ответил он.

Видя мое удивление, он объяснил мне, что здесь, в этих бараках, содержались враги нацистского режима. Как бы ни было это невероятно, но только сейчас, в самом конце войны, я узнал о существовании концентрационных лагерей.

Это открытие меня озадачило, хотя я еще не связывал их существование с нацистской политикой геноцида. Мое неведение о целой системе концентрационных лагерей во время войны разделяли многие немцы. Фотографии лагерей в немецкой прессе и газетах союзных держав появились только после войны.

В своих увлекательных мемуарах «Европа, Европа» (John Wiley & Sons, 1997) Соломон Перель, который в детстве скрывал свое еврейское происхождение во время обучения в гитлерюгенде в Германии, рассказывал, что он так же был глубоко удивлен, впервые узнав о нацистских лагерях смерти после окончания войны.

Способность гитлеровского режима скрывать от населения акты массовой жестокости показывает эффективность его контроля над информацией. Если бы подобные факты стали известны, нацисты лишились бы всенародной поддержки. Подобно большинству немцев, я почувствовал, как глубоко был обманут, когда узнал, что нацистское руководство отдало приказ казнить миллионы евреев, цыган и узников концлагерей.

Перед самым рассветом наш конвой достиг Штуттхофа⁶, сборного пункта всех тех подразделений, что проделали путь в 60 с лишним километров, выйдя из Пиллау. Мы провели остаток дня в укрытии, чтобы затем продолжить наш путь в северо-западном направлении морем. Погрузившись ночью на паром, мы с Юхтером пересекли Данцигскую бухту⁷ и высадились в Хеле, расположенном на самой оконечности одноименного полуострова в 35 километрах от Штуттхофа.

Нас разместили в одном из трехэтажных кирпичных домов, оставленных их хозяевами. Измотанные после многомесячных боев и долгой дороги, мы провалились в глубокий сон.

Тогда мы не знали о том, что катастрофа под Фишхаузенем случилась в тот самый день, когда Красная армия начала свое наступление на Берлин далеко к западу от нас. Это наступление превратило Балтийское побережье в тихую заводь в большой войне. Изолированное положение Хеля, возможно, также было причиной того, что русские не стремились занять полуостров. Во всяком случае, им было достаточно того, что они добивали нас артиллерийским огнем из района Гдыни. Это был город и порт в 20 километрах от нас.

Наконец-то, выйдя из боя, я почти постоянно вспоминал о своей невесте Аннелизе, которую я встретил шесть лет назад незадолго до моего призыва в армию. Хотя прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я получил от нее последнее письмо, моя любовь к ней оставалась последней надеждой в преддверии мрачного и неизвестного будущего. В глубине души я был уверен, что мы будем вместе до конца наших дней, если мне удастся уйти от русских и добраться до Германии.

В последующие дни мы занимались только тем, что отдыхали, стараясь раздобыть какую-либо еду. Однажды я заметил в отдалении подполковника Эбелинга и группу штабных офицеров 154-го полка, но подходить к ним не стал. Несмотря на то что все мы пытались найти хоть какую-то возможность для возвращения согласно приказу в Германию, было ясно, что вермахт находится в состоянии распада. Каждый теперь был предоставлен сам себе.

В это время до нас дошли обрывочные сведения о двух страшных катастрофах, когда-либо случавшихся в истории мореплавания. В январе и феврале 1945 г. соответственно немецкие лайнеры «Вильгельм Густлофф» и «Генерал Штойбен» были торпедированы и потоплены

⁶ Ныне Штутово в Польше.

⁷ Ныне Гданьский залив.

русскими. На борту лайнеров находились эвакуируемые из Восточной Пруссии в Германию тысячи гражданских беженцев и раненых. Несмотря на то что мы многое пережили на фронте, эти новости усугубили наше горе и отчаяние.

Если бы даже представилась возможность найти место на одном из судов, отправлявшихся из Хеля, угроза нападения советских кораблей делала перспективу добраться до Германии еще более призрачной. В то же время большинство офицеров не предпринимали никаких серьезных усилий, чтобы возвратиться в Германию. Солидарность и чувство чести связывали нас, что и было причиной нашей инертности. Несмотря на всеобщее падение воинской дисциплины, ни один из нас не хотел подать даже вида, что готов бросить своих товарищей и уехать прежде них, даже когда уже не было смысла оставаться там, где мы были.

Прошли две с половиной недели, как мы прибыли в Хель. Как-то днем Юхтер стоял рядом со зданием, где мы жили, когда внезапно нас начала обстреливать русская артиллерия. Застигнутый врасплох на открытом месте, он был ранен в бедро осколком шрапнели. Узнав от санитаров о его ранении, я попросил полкового врача осмотреть его.

Наблюдая за тем, как врач бинтует ногу Юхтера, я спросил, не стоит ли наложить жгут, чтобы остановить кровотечение. Врач заверил меня, что в этом нет необходимости, поскольку ранение не смертельное.

Закончив перевязку, врач посоветовал мне перенести Юхтера в полевой госпиталь, оборудованный в бетонном подземном бункере, расположенном в 70 метрах от нас. Что я и сделал с помощью санитаров.

Вдоль стен бункера лежали раненые, сваленные как дрова. Найдя дежурного врача, я сказал ему, что у меня тяжелораненый солдат, который нуждается в тщательном уходе. Он ответил: «Да, конечно, я вас понимаю, но войдите в мое положение. Необходимо соблюдать очередность. Положите его здесь, и мы позаботимся о нем». Наклонившись к Юхтеру, я заверил его: «Завтра я проведу тебя».

На следующее утро, когда я вернулся в госпитальный бункер, мне сообщили, что ночью Юхтер умер. Вероятно, он скончался от шока и потери крови. Я с трудом сдержал себя. Его можно было спасти. Во всем был виноват полковой врач, который так и не наложил жгута. Мне пришлось пережить гибель многих боевых товарищей, но смерть Юхтера казалась мне бессмысленной жертвой.

Я остался в одиночестве. У меня не было ничего – один мундир и пара револьверов. Я обдумал сложившееся положение. Приказ был при мне, и теперь у меня появилось больше причин покинуть Хель.

Вечером на следующий день я прошел к порту, находившемуся на расстоянии около 500 метров от моего расположения, чтобы разведать обстановку. И тут мне выпал редкий случай, изменивший мою судьбу.

Около четырехсот полностью экипированных солдат были построены недалеко от дока. Было очевидно, что они собираются оставить Хель. Я решил следовать вместе с ними, куда бы они ни отправлялись. перебросившись парой слов с солдатами, которые говорили с силезским акцентом, я узнал, что их пехотное подразделение готовилось отплыть в Германию.

Было довольно странным, что никто не спросил меня, кто я такой и куда я направляюсь, ни в Хеле, ни когда я возвращался с фронта. Возможно, это было из уважения ко мне, как офицеру, к мундиру обер-лейтенанта, хотя я уже имел присвоенное мне в марте звание капитана. А возможно, это было следствием нараставшего в тылу хаоса.

Лишь только стемнело, был дан приказ на отплытие. Я поднялся на борт небольшой баржи с двумя сотнями солдат. Спустя полчаса, когда баржи прошли расстояние в полтора километра, неожиданно над нами нависла огромная тень. Это новейший немецкий эсминец готовился к морскому переходу в Германию.

Когда мы взобрались по трапу на борт судна, нас тепло встретили матросы, которые разместили нас, где только было можно. Солдаты расположились на ночь, обещавшую быть холодной, на палубе, а меня пригласили в одну из кают внизу.

Несмотря на недавние случаи торпедных атак против немецких судов, направлявшихся в Германию, я впервые почувствовал, укладываясь в койку, какой-то проблеск надежды на спасение. Что ждало нас?

Рано утром меня разбудил матрос. «Господин обер-лейтенант, война закончилась», – произнес он угрюмо.

Было 9 мая 1945 г.

Вспоминая прошлое, я могу сказать, что мой удачный побег из Хеля, возможно, спас меня от выбора между русским пленом и самоубийством. В тот момент, когда я узнал о нашей капитуляции, я не испытал никаких чувств – ни радости, ни печали. Я был сбит с толку, остро ощущал потерю всего того, что мне было привычно, и мучительную неизвестность дальнейшей судьбы – моей и Германии.

Глава 1. Деревенское воспитание

Всего пять лет прошло после того, как Вторая мировая вой на закончилась для меня на том эсминце, и вновь зловещее предчувствие новой войны с Россией овладело мной.

Я знал, что такое война. Невыносимая пыль и жара летом. Пронизывающий до костей холод зимой. Непролазная грязь осенью и весной. Ненасытные комары и вечные вши. Лишение сна и физическое истощение. Пули, свистящие в воздухе. Разрывы снарядов и бомб, сотрясающие землю. Смрад от разлагающихся трупов. Постоянный страх плена и смерти. Гибель товарищей. Отупляющая жестокость. Болезненное расставание с близкими и любимыми.

Напряжение в отношениях между Советским Союзом и Западом постепенно нарастало во второй половине 40-х гг., и призрак войны опять омрачил наше будущее. Мне едва удалось выжить в тяжелейших боях в России, и теперь меня снова начала угнетать мысль, что меня неизбежно ожидают поля сражений. Я был молодым по возрасту ветераном, служившим в вермахте младшим офицером, и было несомненно, что бундесвер Западной Германии призовет меня в свои ряды, если разразится война. Но я не хотел этого.

Ввиду возможного военного конфликта в Европе и тяжелого положения в экономике послевоенной Германии мы с женой подумывали, не оставить ли нам наше отечество и попытаться счастья за границей, чтобы обеспечить себе более надежное будущее. Очень трудно было принять окончательное решение эмигрировать. Возвращаясь мыслями в минувшее, я понимаю, что это был поворотный пункт, когда я оставил в прошлом Германию и войну, чтобы начать новую жизнь сначала в Канаде, а потом переехать в Соединенные Штаты.

Германия в 1937 г.

И все же прошлое, по мере того как я старел, все больше притягивало меня. Говорят, что чем старше ты становишься, тем чаще вспоминаешь, что произошло много лет назад. Возможно, это правда. Даже спустя более чем полстолетия моя память хранит живые и неизгладимые воспоминания моего детства в Германии военных лет и времени борьбы за выживание в послевоенной Германии, и первых лет иммиграции.

Мое поколение получило совсем другое воспитание, чем молодежь современной Германии. Семья была в центре немецкого общества, совместно со школой, церковью и правительством она поддерживала общественный порядок и сохраняла консервативные ценности. В Германии семья и школа учили наше поколение уважению к соотечественникам и власти, что отсутствует в наше время.

Это уважение проявлялось, пожалуй, явственнее всего в вежливости к другим людям, которую в нас воспитывали. Если мужчина ехал в переполненном автобусе или трамвае и входила женщина или пожилой человек, он уступал им место. Когда переступали порог дома, церкви или школы, снимали головной убор. Когда мужчина встречал женщину, он приподнимал свою шляпу и делал легкий поклон. Мужчина сопровождал женщину, всегда предлагая ей правую руку, и, открывая дверь, пропускал ее вперед. Такие правила могут показаться старомодными сегодня, но они были выражением глубоких ценностей немецкого общества в то время.

Общество в целом принимало и уважало власти. Нас так воспитывали, особенно это касалось тех, кто проживал в сельской местности вдали от больших городов. Существовали строгие правила поведения в обществе. Представитель власти давал разрешение на все: начиная с женитьбы и заканчивая переменой места жительства. Общественные протесты были редки. В сравнении с частыми и масштабными протестами нашего времени на них можно было тогда вообще не обращать внимания.

Когда в 1930-х гг. все же устраивались демонстрации, они ограничивались крупными городами, и их организовывали политические партии, такие как нацистская и коммунистическая. Большинство немецких граждан даже и не помышляли выйти на улицу, чтобы маршировать и выкрикивать партийные лозунги. Такое большое количество протестующих и выходящих на демонстрации людей, как в современной Германии, трудно было представить в то время.

Задолго до прихода нацистов к власти военная верхушка Германии привила народу уважение к порядку и власти, к каждому общественному институту: семье, школе, церкви, суду и всему прочему. Когда мы готовились к службе в армии, инструкторы учили нас дисциплине и повиновению. Мы исполняли приказы наших офицеров беспрекословно, несмотря на любую цену, которую за это придется заплатить.

Немецкий народ, в свою очередь, относился к военным в своей стране с уважением, оказывая им патриотическую поддержку, подобно тому как в Соединенных Штатах американцы в наше время уважительно относятся к своей армии. Во время войны патриотические речи и собрания, пропагандистские плакаты и фильмы, сбор средств, в том числе драгоценных металлов, для производства оружия и боеприпасов и, косвенно, даже бомбардировки, осуществляемые союзными державами, способствовали укреплению единства между народом Германии внутри страны и немецкими войсками, сражавшимися за ее границами. Таково было состояние общества, которое сделало Германию столь сильной во время Второй мировой войны.

Семейное наследие

Я вырос на ферме.

Мой дед со стороны матери Готтлиб Маттис был учителем в школе, в которой был всего один класс, но встреча с моей бабушкой Луизой Шульц изменила его жизнь. Родители Луизы

имели ферму в 80–100 гектаров, которой их семья владела с начала 1700-х гг. Когда в 1889 г. мои дедушка и бабушка поженились, он оставил работу учителя и начал управлять фермой, потому что отец Луизы был преклонного возраста, а в ее семье не было мужчины, который мог унаследовать ферму.

Моя мать Маргарет Маттис родилась у них в 1896 г. Вместе со старшим братом и младшей сестрой она выросла на ферме в небольшой деревеньке Пюгген, разительно похожей на другие такие же городки и деревни, что оживляют европейский пейзаж. Расположенная среди волнистых холмов сельскохозяйственного района Альтмарк в северной части Центральной Германии, на полпути между Ганновером и Берлином, деревня насчитывала около двухсот жителей. К северу от нее простирался сосновый лес, а с юга к ней подступали луга.

Как и в других немецких деревнях, дома в Пюггене с окружавшими их хозяйственными постройками занимали центральное место, со всех сторон их окружали фермерские земли. Ближайшая железнодорожная станция, магазины и полицейский участок находились в больших соседних деревнях, до ближайшей из которых было около 3 километров.

Родившийся в 1892 г., мой отец был вторым сыном в семье Люббеке. У него был старший брат и семь сестер. Они жили на большой ферме с 400 гектарами земли, которой они владели с начала XVIII в. Она была расположена в деревне Хаген, ставшей теперь частью Люнебурга. Поскольку тогдашний закон о первородстве предусматривал передачу всей фамильной собственности после смерти отца семейства старшему сыну, мой отец уехал из Хагена, поработав в должности управляющего на нескольких фермах в Северной Германии.

Во время Великой войны 1914–1918 гг., позже названной Первой мировой войной, мой отец был призван в кавалерию, что было обычным делом для нетитулованного мелкопоместного дворянства. Его служба началась во 2-м Ганноверском драгунском полку № 16, размещавшемся в Люнебурге. Моя мать в это же время помогала собирать рождественские посылки для солдат, принимая участие в общенациональном движении помощи фронту. Получив такую посылку, мой отец написал в ответ письмо. Так началась между ними переписка, что позже привело к свадьбе.

В конце 1917 г. мой отец получил ранение в ногу и был комиссован. Хотя он был вынужден вплоть до своей кончины носить особую обувь, вскоре он снова был здоров настолько, что мог снова приступить к работе. Он занял место управляющего большим поместьем в более чем 800 гектаров земли в Дромфельде близ Гёттингена в Центральной Германии. Мой отец также рекомендовал работодателю мою мать для ведения домашнего хозяйства, что, конечно, дало ему возможность узнать ее лучше и с этой стороны.

В то время как моему отцу просто повезло получить такое место, для немецких девушек, выросших на небольших фермах, было обычной практикой, оставив на время свой дом, поработать пару лет в больших поместьях. Помимо того что они получали необходимые навыки для ведения собственного будущего хозяйства, это также давало молодым женщинам возможность встретить своего избранника за пределами своего обычного окружения.

Приехав на ферму в Дромфельд, моя мать увидела отца первый раз в жизни. Их чисто дружеские отношения постепенно переросли в любовь. Через полгода они были помолвлены.

После свадьбы, состоявшейся в октябре 1919 г., они поселились на ферме в Пюггене. Старший брат моей матери умер из-за заболевания, полученного в ходе боевых действий в России в Первой мировой войне. Мать становилась единственной наследницей. Мой дед разрешил моему отцу управлять фермой, поскольку тот имел в этом богатый опыт.

Отец был управляющим на больших по количеству земли фермах, и ему было непросто приступить к хозяйствованию на небольшой ферме в Пюггене. Несмотря на то что для небольших фермеров в Германии было обычной практикой участвовать в сельскохозяйственных работах вместе с нанятыми работниками, мой отец был непривычен к ручному труду, хотя и был физически сильным человеком.

Освоиться в новых условиях стало для него настоящим вызовом, но он был замечательным организатором, и у него была возможность управлять фермой так, как он считал нужным, не позволяя какого-либо вмешательства в его дела. Обычно отец и дед вырабатывали единый подход к ведению хозяйства и сохраняли хорошие отношения. Отец всегда был готов помочь своим соседям, хотя временами с ним было трудно ладить; он предпочитал действовать независимо, когда это было возможно.

Поскольку я родился 17 июня 1920 г. через восемь с половиной месяцев после свадьбы моих родителей, родственники отца добродушно подшучивали над ним по поводу моего раннего появления на свет. Будучи первым в семье ребенком, я получил имя отца – Вильгельм Люббеке. Вослед мне появился брат Иоахим, за ним сестра Эльза, но они умерли, заболев, в раннем возрасте.

Братья-близнецы Отто и Ганс появились через пять лет после моего рождения. В 1928 г. родился Герман. Сестра Марлен родилась в 1930 г., почти десять лет спустя после меня. После того как у родителей в 1934 г. родилась дочь Криста, они не планировали больше иметь детей.

Поэтому настоящей неожиданностью стала новая беременность матери. В 1937 г. родилась моя самая младшая сестра Маргарет. Я был в состоянии замешательства и возмущения. Мне исполнилось 17 лет, и я уже назначал свидания. Даже став ее крестным отцом по настоянию родителей, мне было трудно принять тот факт, что моя мать все еще могла иметь детей.

В нашей семье для меня и братьев с сестрами самым близким человеком была мать, которая глубоко любила всех нас. В отличие от отца она верила в Бога; она всегда находила время на чтение Библии и молитву. Ее открытая натура сдружила ее со всеми жителями нашей родной деревни. Каждое дело она доводила до конца, прикладывая все усилия, чтобы все было сделано как надо. Она была скромным тружеником и никогда не жаловалась, выполняя тяжелую сельскую работу. Притом что мать сыграла решающую роль в формировании наших взглядов, оба родителя приучили нас жить самостоятельно и самим заботиться о себе.

Работа на ферме

Теплые воспоминания о детских годах, проведенных в Пюггене, переполняют меня, хотя фермерская жизнь и была нелегкой. Я был часто занят на подсобных работах после школы. В горячую пору сезонных работ на ферме все мое свободное от занятий время я помогал родителям. Перерывы случались в 6 часов на завтрак и в восемь на ужин.

В отсутствие тракторов, грузовиков и других средств механизации, мы полагались только на человеческую силу и восемь лошадей. На время повседневных работ нам помогали в поле и уходе за скотом нанимаемые отцом два-три поденщика. Осенью для уборки урожая пшеницы, ячменя, ржи, картофеля и сахарной свеклы нанимали уже от пяти до десяти рабочих. Нам также приходили на помощь наши соседи.

Мы выкапывали свеклу вручную, а когда косили пшеницу, ячмень и рожь по краям наших полей, то применяли машину, похожую на современный комбайн, которую тянули лошади. Этот «комбайн» помогал нам убирать урожай. Он скашивал зерновые, и из нутра машины выскакивали связанные в снопы колосья. Мы следовали за ней по полю и через каждые 6 метров ставили снопы вертикально, формируя стога из пятнадцати – двадцати снопов.

Чтобы накормить в страдную пору пятнадцать и больше рабочих, приходилось много трудиться на кухне. Все продукты для готовки пищи нам давали наши сады и огороды. Два раза в месяц дом наполнял запах свежеспеченного хлеба. Мать полдня топила выложенную кирпичами печь заготовленными заранее дровами, а затем ставила в нее хлебы из ржаного теста, выпекая до дюжины больших ковриг. Хотя они и весили от около трех до трех с половиной килограммов, надолго их все равно не хватало.

Наш домашний скот предназначался в основном на продажу, однако часть его мы оставляли для собственного пользования. Забивали крупную скотину раз в год, а несколько свиней из стада в 100–200 голов три-четыре раза в год. Так как холодильников не хватало, мы делали из мяса колбасу и сосиски, а также коптили его и засаливали.

На лугах, окружавших деревню, паслось от пятнадцати до двадцати наших коров. Не все пастбища были огорожены, и надо было следить за скотиной, чтобы она не зашла на чужой выгон. Когда мне исполнилось 10 лет, отец начал приучать меня к простой работе – следить за коровами. Несмотря на то что удовольствия от этого занятия было мало, все же это было лучше, чем постоянно чистить коровник от навоза.

Как-то, убрав урожай, выгнали коров пастись, и я занял свое место на краю поля. Я лежал на спине среди густой, выросшей до более полуметра травы, обвеваемый прохладным тихим ветерком, и смотрел на проплывавшие надо мной облака. Время текло незаметно. Так продолжалось до 5 часов, пока в небе не появлялся трехмоторный пассажирский «Юнкерс», следовавший в одно и то же время по своему маршруту. Это означало, что рабочий день окончен.

Однажды я неожиданно для себя задремал, лежа в траве. Коровы без присмотра зашли на соседнее пастбище, что было серьезным нарушением деревенского распорядка. Когда отец узнал о моем проступке, мне сильно досталось: «Как ты мог допустить такое? Теперь я должен идти объясняться с соседом». Мой десятилетний возраст во внимание не принимался.

Кроме полей, лугов и огородов моя семья владела большими яблоневыми садами. После школы или во время каникул я часто лазил на деревья за яблоками. Во время работы я распевал песни и грыз яблоки, и жизнь казалась мне замечательной. Только позднее я понял, какие усилия постоянно прилагали родители, чтобы хозяйство процветало.

Церковь и школа

Многие немцы были католиками, но наша семья жила в области, населенной лютеранами. В юности религия была для меня больше обязанностью, чем духовным утешением. Несмотря на то что моя вовлеченность в церковные дела была не столь ярко выражена в молодые годы, как это проявилось позднее, вера играла более важную роль в моей жизни, чем у других немцев.

Мой отец был не столь религиозен, как моя мать и ее родители, бывшие прихожанами лютеранской церкви и глубоко верующими людьми, что повлияло на наше духовное воспитание. Да, мы читали и изучали Библию в подростковом возрасте, но настоящее религиозное образование мы вместе с моими братьями и сестрами получили дома и в конфирмационных классах церкви. Нас приучали, следуя библейским наставлениям, говорить правду и трудиться в поте лица своего, всегда со вниманием относиться к нуждам окружавших нас людей и помнить, что по отношению к ним у нас есть обязательства.

Поскольку лютеранский пастор обслуживал одновременно несколько соседних деревень, он служил в Пюггене каждое второе воскресенье. Наши родители и мы, дети, празднично одетые, шли утром в воскресенье в небольшую деревенскую церковь Пюггена. В церкви мы садились на наши семейные скамьи и вместе с тридцатью-сорока прихожанами других шести-семи местных семейств участвовали в одночасовом богослужении. В некоторые воскресные праздники мы посещали церковь в соседней деревне Рорберг.

После возвращения из церкви устраивался традиционный семейный обед, за которым собиралась вся семья. Мы приступали к трапезе только после того, как мать прочитывала молитву: «Благодарим Бога, ибо Он благ, и милость Его вовеки». В конце обеда мать снова произносила молитву, и только после этого можно было вставать из-за стола.

За обедом шли разговоры о деревенских новостях или политике, но никогда присутствующие не опускались до сплетен. Когда обед заканчивался, отец давал распоряжение заложить двуконный открытый экипаж. Мы объезжали окрестные поля и посещали сосновый бор. По

воскресеньям я отдыхал и радовался жизни. Чего нельзя было сказать о пяти последующих днях, когда я уже стал школьником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.